

и СВИН

СЕРДЦЕ ДАНКО

У Горького в «Старухе Изергиль» приведена замечательная легенда о Данко. Люди искали выхода из тьмы и трясины к свету и счастью, они тоскливо блуждали в темноте, обезумевшие от горя, безысходности и тоски. Юноша Данко, сердце которого было сильным и смелым, решил им помочь. Он вырвал свое горящее сердце, поднял его высоко над головой, и оно осветило дорогу людям.

Тридцать три года тому назад в Сормове, в рабочей слободке — жизнь текла мутным потоком, — душная, пьяная, гнетущая жизнь. Ей — этой жизни, полной нужды и лишений, — бросила вызов группа самой передовой, самой талантливой молодежи, во главе которой стоял Петр Заломов, — рабочий, большевик, революционер.

Первого мая 1902 г. — в Сормове над живым коридором толпы, заполнившей обе стороны широкой улицы, взметнулось красное знамя революции. Первое красное знамя сормовичей звало бесстрашным и мужественным призывом:

— Долой самодержавие!

Царское правительство жестоко отплатило сормовским революционерам. Бесчеловечно избитого знаменосца привели к «самоу» губернатору Унтербергеру.

— Я отказываюсь давать показания, — заявил Заломов.

Это было единственным, что удалось услышать жандармам. Осталось только закончить расправу комедией суда. Но «хозяева» просчитались. Со скамьи подсудимых зазвучала горячая страстная речь революционера, распространявшаяся потом в тысячах подпольных листовок и прокламаций, заучиваемая наизусть:

— Я сознательно пришел к демонстрантам, — говорил Петр Заломов.

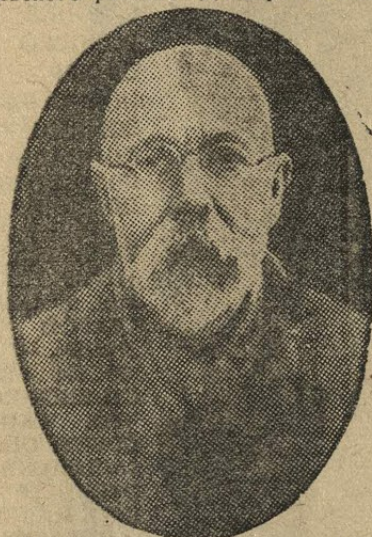
... Я знал, что за участие в демонстрации грозит каторга. Наказание страшное, в моих глазах хуже смерти, так как человеческая личность там совершенно уничтожается и бесчеловечно унижается на каждом шагу. Но надежда на то, что жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своим братьям, дает полнейшее удовлетворение за все страдания, которые пришлось пережить. Личное несчастье, как капля в море, тонет в великом горе народном за желание помочь народу, которому можно отдать всю душу.

... Я видел, что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков, что самодержавие является врагом русского народа.

«Судья», напуганные восстанием и многотысячным сочувствием к

демонстрантам со стороны масс, побоялись послать Заломова на виселицу.

Шестеро из обвиняемых, во главе с Заломовым, были приговорены к лишению прав состояния и ссылке в Сибирь. Весной 1905 г. Петр Андреевич бежал из ссылки и явился в Петербург, где работал в большевистской организации РСДРП в качестве организатора Невского района. Декабрь 1905 г.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЗАЛОМОВ

видел Заломова на баррикадах московского восстания. Организатор боевых дружин изготовил облоочки для бомб. Тяжелая болезнь и преследование полиции заставили революционера уехать в маленький городок Курской губернии Суджу, где он и сейчас.

Осенью прошлого года я навещал старого революционера. Шестнадцать часов с громадным волнением старик рассказывал мне свою жизнь, насыщенную неутомимой и страстной борьбой за революцию.

— «Таких, как я — тысячи, — говорил мне старик, — но я несказанно рад, что моя жизнь послужила канвой для создания замечательной книги о революции, о победе пролетариата.

Все, о чем мы когда-то только мечтали, — осуществилось. Мы живем в такое замечательное время, имеем такого стального вождя, каким является лучший ученик Ленина — товарищ Сталин».

Показывая письма от старых друзей, посевший революционер рассказал мне о первой встрече с любимым писателем.

— Это было в 1905 году, в Петербурге. Горький, встретив меня, крепко обнял и поцеловал. Потом отошел немного, посмотрел и сказал: «Так вот вы какой!». Я сказал ему, что ничего лучшего, чем «Песня о соколе» он не напишет и что я в бою загорожу его своей грудью. Он ответил на это: «Я также загорожу вас своей гру-

дью в бою. Он так же как я ждал революции вооруженного восстания.

Теплым осенним вечером мы возвращались с Петром Андреевичем с прогулки. Мне хотелось узнать его мысли о кинокартине «Мать».

— «Мне понравилась эта картина. Очень уж хорошо показано Сормово. Но я не совсем доволен образом матери. Моя мать смелая и умнее. Она умела водить жандармов за нос. Когда везла знамена в Сормово, разыскала в поезде жандарма и нарочно села с ним рядом. В 1905 году приехала ко мне в Москву и не побоялась жить с организатором боевых дружин, которому грозило повешение, не дрожала от того, что ей самой грозила смерть, как соучастнице, и сумела обставить мою жизнь так, что ни у кого не возникало никаких подозрений».

Сейчас революционер поседел. Тяжелая болезнь приковала его к постели. Но не убила страстного желания жить и работать. В одном из писем Петр Андреевич писал мне об этом так:

— «Вы, конечно, поймете, что старым инвалидам тоже неудержимо хочется делать что-то полезное для нашего великого строительства, для изжития остатков капитализма в умах людей».

Это желание не остается только желанием. Заломов и сейчас еще ведет значительную партийную и советскую работу, а также по личному совету А. М. Горького, пишет свои воспоминания.

Я привык бить по самому сильному месту и обозвал их продажными шкурами и предателями рабочих и крестьян. В полицию, в жандармы шли сверхсрочники царской службы и за эту сверхсрочную службу их презирали и звали продажными шкурами, что было для них смертельной обидой. Я и теперь радуюсь, что нашел тогда подходящие слова и сумел довести своих палачей до бессильного бешенства. Не было смысла с глазу на глаз с полицией кричать «долой самодержавие». Но я это сделал, чтобы лишний раз плюнуть им в глаза. И вот я и сейчас смеюсь и радуюсь, потому что я все же оказался сильнее их, ударил их больше, чем они меня».

Сквозь ужасы пыток, лишений и издевательств, три раза приговоренный белогвардейцами к смерти, стойко прошел революционер и пронес свое сердце — пламенное сердце бойца.

Неудержимо и страстно бьется оно в груди поседевшего человека. Оно не погасло. Горящее сердце Данко не упало на землю. Оно горит замечательным светом юности и любви, оно зовет за собой тысячи и сотни тысяч к великой борьбе за социализм.

С. ОРЛОВ.